

Мысли вслух

Литературно-художественный
журнал

№ 8

В 2011 году художнику Юрию Михайловичу Северухину исполнилось бы 75 лет...

На внутренней стороне обложке - фрагменты картин художника.

Стихи Ю.М.Северухина читайте на 38-39 страницах.

Мысли вслух № 8

*Живи как питаешь, и питай как живешь: иначе все
от голодашки нирры твоей будут фальшивы.*

К.А. Барышков

Так получилось, что примерно половина материалов этого номера так или иначе связана с музыкой. На первых же страницах — воспоминания о гармонистах, о праздниках под гармошку, материал об Александре Устьянцева. Ближе к середине — представляем трёх авторов, которые исполняют свои песни под гитару. Ну, и в других материалах — нет-нет да и промелькнёт что-нибудь музыкальное...

Наш журнал издаётся литклубом «Феникс», Феникс — это птица, а птицам положено петь! Правда, голос у этого сказочного персонажа, говорят, отнюдь не соловьиный, да и со слухом вроде бы проблемы... Но мы всё-таки склонны думать, что всё это — выдумки и враки, и Феникс нам ещё споёт!

Ну, а пока он оттачивает свой вокал — читаем тексты, думаем, оцениваем!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ**Гармония**

Владимир Комаров. ВЕЧЁРКИ 3

Владимир Ермошкин. ГАРМОНИЯ ЖИЗНИ 8

Из дальних странствий...

Наши в Кремле (об А.П.Устьянцева) 14

Проза

Шок по-каменски (о новой книге И.Н.Краснова) 16

Игорь Краснов. ИЗБРАННЫЙ (рассказ) 17

Стихи

Татьяна Барышникова 22

Неоткрытое имя

Владимир Мишин (стихи) 24

Изгиб гитары

Сергей Симанов (стихи) 28

Елена Игнатова (стихи) 31

Юрий Будаев (стихи) 34

Память

Юрий Северухин (стихи) 38

Колобок (странички для детей)

Николай Белозёров (стихи) 40

События

Стихи молодых поэтов - участников «Рифейских встреч» - Александры Малыгиной, Натальи Лощёновой, Елены Колесниченко 42

Вехи

Фрагменты из книги Надежды Сухих «Нет войне» 44

Помело (сатира, юмор)

Александр Матусов. ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ 50

Дмитрий Кочетков. СЕКСПИР ИНТЕРЕСУЕТ 56

Юрий Ковязин. ЧАСТУШКА 57

Литературные пародии с форума «Феникса» 58

Гармония

Считается, что гармонь — тот самый музыкальный инструмент, который лучше, чем какой-либо другой, раскрывает русскую душу. Причём раскрывает он её не так уж давно: производство гармони в России, согласно Большой Советской энциклопедии, было налажено лишь в 30-40-е годы XIX века (естественно, в Туле), а в Европе она появилась в 1822 году, и изобрёл её немецкий мастер К. Ф. Л. Бушман.

Насколько актуален этот инструмент сейчас, в век синтезаторов и компьютеров? Не станет ли когда-нибудь гармошка музейным экспонатом?..

Мы не знаем ответа.

В этом номере некоторые наши авторы вспоминают те времена, когда гармонь была, действительно, желанной гостьей на любом торжестве. А гармонист — первым парнем на деревне.

Владимир Георгиевич Комаров в Каменске-Уральском известен, в основном, как автор-исполнитель собственных песен. Многие из них посвящены его службе в армии — на территории тогдашней ГДР. Участник бардовских концертов и фестивалей. Со страниц нашего журнала Владимир Комаров делится воспоминаниями о том, как отмечала праздники и веселилась молодёжь послевоенного времени.

Владимир Комаров ВЕЧЁРКИ

*Уходило в сорок первом сорок,
А вернулось в сорок пятом пять.*

Закат был какой-то необыкновенный. Такому жаркому июльскому дню суждено было кончиться почти осенней печалью.

– Дождь будет, – зло бросил Алексей Иванович Фёдоров, мужик здоровенный, грубоватый, но всеми уважаемый. Его любили за прямоту и за то, что не жалел себя на работе. Хаживал он и в мастерах, да сняли его в своё время «за организацию коллективной пьянки». А сейчас он работал на трубном заводе грузчиком.

– Дождь будет, – повторил он, – Ядрёна мышь, чую, польёт. И нога мозжит.

Он сел на ступеньку крылечка и закурил, посматривая на закат. Отдыхал.

А я ушёл на речку Каменку, стоял на берегу реки и тоже понимал, что может установиться ненастье. Потому что всё словно напряглось, затаилось, приготовилось. И потому что волнами шли запахи, речные и луговые. Словно не текла, не двигалась река, а так лежала себе блестящей серебряной лентой. И небо приблизилось к земле. Менялась погода. Стало мне зябко у реки, и я пошёл в наш Коровинский поселок. На пустыре между домами был у нас «топчак», тут по вечерам и плясали, и танцевали, и влюблялись тут же. А теперь, после войны, никто не ходил: молодежи мало стало в посёлке. Плясать же в эти годы уже не стали. Мода отошла. Здесь, пока поднимался, показалось теплее. Но ещё издали слышал звуки гармошки. И не поверил себе: решил, что вспомнилось былое и зазвучало в душе. А подходя ближе, различил, что, действительно, играет гармошка. И, к моему удивлению, играли нашу плясовую. Потом перешли на «Семёновну». Тихонько подошел я к площадке и остановился в отдалении. Играла тётя Маня, сидя на пне. Плясали Сонька и Вера Ивановна, обе работницы трубного завода. Ещё пять женщин стояли полукругом и смотрели. Все женщины мне были знакомы, всем теперь было за сорок. Но никогда я не видел их пляшущими. Я здесь рос и всё знал здесь.

Меня никто не заметил, и я прислонился к берёзе и смотрел. Всё было видно, и видел я, что возбуждённые женщины, пляшут, дробят от души. И тётя Маня разошлась, играла и притопывала ногой, словно сама собиралась пуститься в пляс. Вера Ивановна, высокая, худая, обычно мрачная и не улыбкающая, вдруг выкрикнула частушку:

*Самолет летит, крылья – колых, колых...
Ребята хитрые, а мы хитрее их...*

Каменск-Уральский,
Праздник песни,
50-е годы XX века

А Сонька-фрезеровщица, круглая, маленькая, обычно бойкая на язык, не задержалась с ответом:

Самолет летит, все знаки стёрлись...

А мы не ждали вас, а вы припёрлись.

«Эге! – сообразил я, различая по чуть хрипловатым голосам. – Вдовушки-то наши подвыпили, разгулялись». Голос у Веры Ивановны был низкий, какой-то повелительный, а Сонька отвечала по-девичьи, даже с повизгиванием. С самого детства я знал этих женщин в нашем посёлке, но чтобы пели они - никогда не слышал. Сонька выдала новую припевку:

Юбка узкая да переузкая,

Полюбила мордвина, а сама русская.

Вера Ивановна тут же ответила:

Ох Семёновна, тебя поют везде,

Молодой Семён, да утонул в пруде.

Женщины стоявшие полукругом, засмеялись. А до этого смотрели молча, тихо, будто и не было их. Но что особенно меня поразило, стояли они точно так, как наши девчонки, когда мы, ребята, плясали, выхаживая друг перед другом и перед ними.

Посмотрел я, посмотрел и решил уйти незамеченным, так как подумал, что если увидят меня, не будет им так привольно и, наверно, хорошо. Отделился от берёзы и, стараясь ступать потише, направился в посёлок. А тётя Маня неожиданно резко сменила мотив, и вслед мне донеслось:

*Пришел милый на гулянье,
Шею вытянул, как гусь.
Насмотрелся на дьявола,
Домой идти боюсь...*

Когда я вернулся, Алексей Иванович всё сидел на крылечке – накурился и блаженствовал, отдыхая. Раненую ногу вытянул далеко вперед, а локтями уперся на ступеньку позади себя. И кисти рук свободно свисали. Правая рука была у него изувечена, кисть не работала. Но, к счастью, он был левшой. И работать приспособился не хуже здорового. Фотография его постоянно красовалась на доске передовиков соцсоревнования.

– На «топчак» был. Чего это женщины разгулялись? – сказал я, подсаживаясь к нему. Он снова закурил, предложил мне, а потом заговорил:

– А гуляют-то чего, думаешь?

– А я что-то раньше не видывал, чтоб они плясали, – заметил я, – Я не знал, что тётя Маня играет.

Алексей Иванович долго молчал, бросил папироску и нехотя сказал:

– Не знал... А чего вы вообще знали? Себя вы знали. Играет... Разве муж её Ванька так играл? Вся Бараба сходилась его игру слушать. Он, когда на войну пошел, сказал: «Трудно будет, всё продай – гармонь сбереги». Она не только сберегла, она пилила-пилила, да выучилась. И «Сармака», и

Каменск-Уральский,
ул. Алюминиевая,
50-е годы XX века

«Елецкого», и «Семёновну». Хоть худо, да выучилась. Когда я из госпиталя приехал, они уже собирались. Без неё вечерами да поодиночке по домам с ума бы сошли. А может, кто и повесился бы. Ей до смерти наше спасибо. Саша ведь в петлю лезла, как Вальку убили. Следили. Вытащили. А потом вот собираться стали. Всё легче.

Помолчал и добавил:

– У некоторых у этих женщин женихи были, у других мужья. А на всех-то я один вернулся. Да и то ни богу свечка, ни чёрту кочерга. Ладно, моя Фрося подобрала.

И, ещё помолчав, он продолжил:

– Мне бы, конечно, как мужику надо играть. Да у меня медведь ухо отдал. Да и Манька всё равно бы гармонь не продала. Это у неё всё, что от Ивана осталось.

– Так вы... разве... тоже собирались и пели, и плясали? – растерянно спросил я. И как наяву, просто вспыхнули передо мной вечера. И площадка наша. И хохот, и смех. И песни, и танцы. И все знакомые, такие молодые, такие здоровые парни. Такие красивые и бойкие на язык наши девушки. Так нас много! И безудержное веселье у нас. Милые, милые, незабываемые, незабываемые деньки и вечера! Золотое, золотое время...

Алексей Иванович поглядел на меня и как-то криво усмехнулся:

– А ты что же думал, у нас ведь как: кто поёт, а кто слезы льёт. А вам вперёд жить, чего вам на нас глядеть. Ты прикинь: я семнадцати ушёл – девятнадцати вернулся. Понял? А им что, больше было? Что, мы не люди, что ли? Вот, собираемся все почти одноклассники друг другу. Одни бабёнки да я. Вот Манька и старается, веселит.

Пора было спать. Алексей Иванович поднялся. Поднялся и я. По улице посёлка прошли женщины с песнями – закончили свою вечеринку на «топчак». У дома Маньки все развернулись и пошли по домам.

– Видел? – удивленно мотнул головой в ту сторону Фёдоров.

Как мыши по своим норам. Вот и посуди, радости то у них... Каждая, гляди, сейчас пошла к себе. Одна, так и есть одна. Ну, спокойной ночи.

Он ушёл в дом, а я стоял и смотрел туда, где был «топчак». Всё темнело и темнело. И ничего не было видно и слышно.

О Владимире Николаевиче Ермошкине мы уже писали в 6-м номере нашего журнала. В этом номере Владимир открывается нам с неожиданной стороны. Мы знали его как прозаика, как гитариста, как участника фестиваля «Зелёная карета». Но, оказывается, и русская гармонь — один из его любимых музыкальных инструментов.

Владимир Ермошкин

ГАРМОНИЯ ЖИЗНИ

Как я любил слушать гармонь! Даже уроки бросал, чуть заслышав наигрыши и переборы гармониста, разминающего пальцы. Чаще всего это бывало по пятницам, после рабочей недели, а также по выходным и праздничным дням. А уж на свадьбе побывать, частушки матерщинные подслушать — тут вообще, как говорится, счастья «полные штаны».

В те времена, (не такие уж и далёкие), гармошка и частушка притягивали к себе людей, были некой отдушиной у народа. Только сейчас стал понимать, что этот дуэт, видимо, играл роль общественного психолога. Психологов сейчас в институтах готовят, чтобы стресс с народа снимать, а раньше гармошка да частушка его снимали, раздевая людей догола. Легко становилось. А стрессу отдыхать да зевать только и оставалось.

Самому страсть как хотелось научиться на гармонии играть, просто спал и слышал. Да до гармонии ли родителям было, когда дома — трое по лавкам, да свекровь почтенная свою музыку снохе играет: «Деньги любят счёт, да просят отчёт».

Мне об этом мать уже взрослому рассказывала. Отец один деньги зарабатывал учителем в школе, а мать нас растила да хозяйство вела. На хлеб ещё хватало, а на гармонь было

мало.

Сейчас ведь что. Поженятся, произведут на свет одного ребёнка и нежат его в тепличных условиях, и всё-то он у них маленький да аленький. А начинает подрастать, ему и то и это, и надо и не надо, и в дело и без дела, а на дне рождения без стеснения читают: «Расти здоровым – в этом суть, и быть богатым не забудь».

Радуются родители, слезятся глаза у дедушек и бабушек, хлопают и визжат гости, а карапуз смотрит на них непонимающими глазками, прижимает подарки к груди, и ничего ему не надо, ни богатства, ни счастья, ему голову с шоколадного зайца на торте откусить хочется.

Да дай-то Бог, чтоб так всё оно и было – и здоровье, и богатство, прошли те времена, когда благополучие и достаток чуть ли не за преступление считали. Что не принимает моя душа – это то, что сейчас с рождения детей в аленькие цветочки записывают, а то и в голубенькие дорожку мостят своим воспитанием.

Красивы, ухожены цветы на клумбе, а ближе мне и роднее, полевые травиночки. Сколько их пробилось на свет через городской асфальт – вряд ли кто считал, но многие пробились.

А гармонь мне так и не купили, баян на день рождения подарили. Просыпаюсь утром, а он стоит на стуле, кнопками на меня уставился, ремни распахнул, и ждёт, когда я к нему в объятия кинусь. Кинулся я сначала на шею родителям, а уж только потом он в свои тугие меха воздуха вдохнул. Гармошка, конечно, ядрёнее, забористей баяна звучит, зато баян мелодичнее, современнее что ли, ну, и бабушка постановила – пусть будет баян. Оказывается, она для внучка кольца золотого не пожалела. Свою долю этим внесла. Так у меня появилась «большая гармошка».

К тому времени я уже кое-что умел наигрывать. Само собой как-то получалось. Смотрел на игру баянистов, мелодии запоминал, а в паузах попрошу попробовать, ну, бывало, что-нибудь подскажут, поправят, улыбаются при этом:

– Ну-ну, малец! Смелее! Дави на клавиши! Все девки скоро твои будут! – А у меня лишь язык от усердия высовывается да слюнка с губы свисает.

А как свой баян появился, так через год я уже пластал во всю прыть. По-настоящему же рядом с музыкантами очу-

тился во время службы в музыкальной роте. По случаю туда попал, не буду об этом рассказывать. Там и ноты освоил, и жизненной мудрости отведал.

Армия штука такая, что море. В ней и глубокого, и мелко-го найдёшь, и солёного и сладкого отведаешь, а иногда и волной захлестнуть может. А родителей и бабушку всегда с благодарностью вспоминаю, когда баян в руки беру. Последнее, можно сказать, отдали, чтобы инструмент справиться.

И так всё это ко мне приросло, так прикипело, что слышу и вижу жизнь через всю эту гармонию. А уж гармошка в каждой русской душе живёт, надо только услышать её. Ну, а если кто не услышит, то наверняка увидит: без вариаций и переборов жизни не бывает...

Встречает меня тут Людка – одноклассница, прямо на шею мне кинулась:

– Сашуня! Привет! Я тебя по всему городу ищу. Нужен ты мне, просто слов не найду как!

А я растерялся от неожиданности и её от себя отталкиваю:

– Сдурела, что ли? К чужому мужику на шею прыгаешь, мало ли что подумают!

– Да брось прикидываться, не вешаюсь я на тебя, просто

соскучилась.

– Ты знаешь, я рад тебя видеть, но уж больно как-то ты запросто.

– Будь проще, Санька, ты ж нормальный парень, без вывихов, чего испугался?

– Да ничего я не испугался, стесняюсь просто прилюдно. Ты меня своей простотой достала прямо-таки. Говори, зачем я тебе спонадобился? – а у самого аж дух от волнения перехватило, не каждый ведь день тебя другие женские руки обвивают.

– Слушай! У нас тут вечер в отделе организуется, название что-то из головы вылетело, а, вот: «По волнам нашей памяти». Ты бы подыграл нам на баяне. Вспомним «лихую» молодость, попоём, потанцуем, повеселимся! – и она заискивающе посмотрела мне в глаза.

– Ты уже, конечно, всё за меня решила, всё расписала, осталось только утвердить, а мне подтвердить твоё самоуправство, – и я почему-то, взяв её за руку, непроизвольно притянул к себе, другой рукой придерживая за талию.

– Ага! – и она с большей для меня неожиданностью припала к моей груди, виновато склонив голову. Прелестный аромат духов моментально ударил мне по чувствам, сердце бешено заколотилось, а сухость во рту не позволяла озвучить ситуацию...

С Людмилой мы были знакомы с детства. Жили в одном дворе, учились в одной школе, вместе бегали на танцы, лазали по садам, провожали ребят в армию, целовались даже – два раза. Симпатия над нами до сих пор кружится – прилетает, улетает, а опуститься никак не может.

Быть может, мы сами ей посадки не даём, слишком много партий переигрывать придётся. Ноты вроде те же, а могут зазвучать по-другому, вот и боимся нарушить гармонию – оставляем всё, как есть.

Помнится многое: помню её восторженные глаза, которыми она смотрела, оценивая мою игру на баяне, как, темпераментно танцуя, приводила в волнение свои девичьи достоинства на выпускном вечере, мне тогда казалось, ещё чуть-чуть – и они выплеснутся на меня. Я стыдливо закрывал глаза, выдавая это за вдохновенную игру, только гораздо позднее до меня дошло, каким же я тогда был «слепым» музыкантом.

– Людок! Что ж ты так? Ну, прям, как в кино. Только страстных поцелуев для полного счастья нам и не хватало.

– А что тут такого особенного, ничего бы с тобой не случилось, губы не отсохли бы. А я действительно по тебе соскучилась. Да и по делу всё-таки.

– Прости. Всё как-то у меня неуклюже вышло, – сказал я, боднув её в щёчку. Это было так естественно, что мы, забыв про взаимные упрёки, наперебой стали вспоминать самое близкое и смешное.

– Саш! А ты помнишь «брызги селёдки под шубой» на проводинах у Лёшки Мамина? – и она подняла на меня свои заразительно смеющиеся глаза. И зачем только на меня она посмотрела? Я понимал, что, скорее всего, это был тест на юмор, но не в такой же обстановке. Смех мог разорвать меня по частям. На виду у всех я выглядел бы, по крайней мере, хохочущим идиотом, а остальные эпитеты нашлись бы без особого труда.

– Тихо! Тихо! Тихо! – быстро поняв свою ошибку, моя «принцесса Смеяна» закрыла мне рот тыльной стороной руки. – Не надо, Шурик! И что это на меня нашло, надо о деле говорить, а я конкурс хохотунчиков устраиваю – и, взяв меня под руку, отвела на край тротуара.

Случай, который чуть не вызвал у меня истерический смех, в нашем бывшем окружении известен именно под этим названием.

На проводины в армию, как правило, приходили все дворовые пацаны и подружки, чтобы посидеть за общим столом, выпить, попеть, потанцевать, пообщаться на посолок, ну, чтоб было о чём и о ком вспоминать новобранцу на службе.

Так вот. Какой-то «композитор» в годах, лысенький мужичок, добрался до гармонь и начал, что называется, пилить по нервам. Это продолжалось довольно долго, и терпение не только у меня, но и у всех присутствующих, лопнуло. Но дядя, видимо, уже набрался хорошо и на обращения сделать паузу не реагировал.

Тогда, чтобы привлечь его внимание, я скатал хлебный шарик и запустил точно в лоб терзающему гармонь. Ноль эмоций. Я скатал второй, покрупнее. Не пробирал. Только после того, как в его лысину впиалась косточка от вишнёвого

варенья, он, ни слова не говоря, вскочил на табуретку и со всего размаху бросил гармошку в центр стола.

К потолку взметнулись салаты, закуски, селедка под шубой, а потом всё это осело на ушах, головах, плечах гостей. Такого развития событий не ожидал никто. Когда шок от атаки «террориста» прошёл, его уже след простыл. А истерический хохот периодически возникал то там, то тут в течение всех проводин.

Видимо, поэтому служилось парню нормально, как он сам говорил с затаённой грустинкой. Весело!

– В общем, мы с тобой договорились, в пятницу к шести в «Центральном». Музыка там будет, но это для танцев, а для души ты уж, Саша, – она сделала паузу и осевшим от волнения голосом добавила, – постарайся без брызг. Мы и так в нашей жизни многое расплескали, многое проиграли, а так хочется – по капельке, по глоточку, на самой высокой ноте, пройти по одному берегу, спуститься к воде и утолить жажду.

Она хотела ещё что-то сказать, но, смутившись, передумала, и, хлопнув на прощанье ресницами, села в остановившееся такси. Из открытой двери машины до меня донеслись обрывки авторской песни: «...козе баян, попу гармонь, икону...»

Рёв двигателя заглушил дальнейший текст. Память выхватила из услышанного всего три слова: «...баян, гармонь, икона». И вот это сочетание слов вместе с дрогнувшими ресницами и уезжающим такси минорными аккордами прошлились по моему телу. Я стоял обескураженный, силясь понять, какая такая сила могла больно зацепить меня за живое.

Наконец до меня дошло. Вместе с нахлынувшими откровениями и воспоминаниями передо мной промелькнула партитура прожитого отрезка жизни, который сыграть по-другому мне уже не удастся.

Впереди была встреча в «Центральном». Свою программу я начал с ноты «до».

Из дальних странствий...

НАШИ В КРЕМЛЕ

Александр Петрович Устьянцев
с супругой Валентиной Митрофановной

вы и Московской области, проявившее большой интерес к этому событию. Велу программу юбилейного праздника Анастасия и Захар Заволокины.

Каменским гармонистом специально для этого мероприятия по личной просьбе Нasti Заволокиной была написана и исполнена музыкальная композиция «Памяти ушедших гармонистов». Во время исполнения реквиема на экране демонстрировался одноимённый фильм – дань памяти музыкантам, посвятившим свою жизнь популяризации народного инструмента и уже ушедшим из жизни.

Известный каменский гармонист Александр Устьянцев принял участие в концерте в Государственном Кремлёвском Дворце.

Концерт «Играй, гармонь, в Кремле! 25 лет в эфире!», организованный Российским центром «Играй, гармонь!» имени Геннадия Заволокина совместно с «Первым каналом», посвящённый юбилею всенародно любимой телевизионной передачи, собрал около 200 участников со всех уголков страны, от простых героев «Играй-гармони», проявивших себя яркими, самобытными музыкантами, до прославленных коллективов, таких как Кубанский казачий хор и его руководитель Виктор Захарченко, ансамбль Геннадия Заволокина «Частушка» и наш знаменитый гармонист.

В качестве почетных гостей концертной программы на концерте присутствовало руководство Моск-

Сколько их ушло за время существования программы? Многих Александр Петрович знал лично, со многими был дружен: Геннадий Заволокин, Виталий Корольков, Иван Плещивцев из Челябинска, Сергей Привалов и Сергей Сметанин из Архангельска, Николай Вавилов из Барнаула. Номер стал настоящей кульминацией праздника.

Что интересно, репетиция кремлёвского концерта состоялась незадолго до этого на другом конце страны – в городе Новосибирске.

Как известно, запись первой телепередачи «Играй, гармонь!», вышедшей в эфир в феврале 1986 года, осуществлялась в городе, откуда были родом основатели программы братья Заволокины. В память об этом событии в Новосибирске и были проведены два концерта в том же самом знаменитом ныне Дворце культуры железнодорожников.

НАША СПРАВКА

Устьянцев Александр Петрович – заслуженный работник культуры РФ, один из лучших гармонистов России – виртуоз, баянист, композитор. А.Устьянцев родился 01.01.1939 г. в селе Шаблихи Каслинского района Челябинской области. В раннем возрасте полюбил народное творчество: гармони, баян, народную песню и с трёх лет уже начал играть на гармонии. В 1947 г. семья Устьянцевых переехала в г. Каменск-Уральский, где в 1955 году Александр окончил техническое училище № 9 по специальности «Слесарь по ремонту промышленного оборудования». Затем, работая на заводе, молодой гармонист одновременно руководил художественной самодеятельностью своего предприятия. С 1962 г. по 1963 г. А.Устьянцев работал в государственном Оренбургском народном хоре в качестве баяниста-аккомпаниатора, где прошёл большую профессиональную подготовку музыканта и хормейстера. Окончил Свердловское музыкальное училище. В августе 1964 г. молодой музыкант в только что открывшемся Каменск-Уральском Дворце культуры «Юность» создал ансамбль русской песни и танца, которому в 1967 г. было присвоено звание «Народный коллектив». А. Устьянцев руководил этим коллективом 38 лет. Ансамбль известен далеко за пределами города и области. Коллектив удостоен званий лауреата Первого и Второго Всесоюзных смотров и фестивалей самодеятельного народного творчества трудящихся, лауреата Всесоюзного фестиваля, посвящённого 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. В репертуаре ансамбля песни советских, в том числе уральских композиторов, а также музыка руководителя коллектива

А.Устьянцева: авторские песни и обработки, частушки, припевки, кадрили, хороводы, переплясы. С 1990 года Александр Петрович постоянный участник телепрограммы Первого канала «Играй, гармонь» и концертов ансамбля «Частушка» имени Г.Заволокина. В 1992 году музыкант стал лауреатом второго Всероссийского фестиваля гармонистов в городе Иваново. В десятом Ивановском Международном фестивале-конкурсе «Играй, гармонь» А. Устьянцев участвовал в качестве члена жюри. В 1999 году Александр Петрович вошёл в первую «Золотую десятку» лучших гармонистов страны по версии Российского центра «Играй, гармонь». А. Устьянцеву посвящён девятый номер журнала «Играй, гармонь» (2002г.). В 1994 году Александр Устьянцев организовал вокально-инструментальный ансамбль «Каменские провинциалы». Коллектив – лауреат трёх Свердловских областных фестивалей «Играй, гармонь уральская» (2006 г. – 2008 г.). В репертуаре коллектива песни Г.Заволокина, Г.Пономаренко, А. Костюка, В.Добрынина, А.Розенбаума, С.Гурина, А.Устьянцева, русские народные песни. Свердловским государственным домом народного творчества выпущен аудио-диск А.Устьянцева «Перезвоны гармонии моей». В настоящее время управлением культуры администрации г. Каменска-Уральского готовится к выпуску нотный сборник произведений и обработок для гармонии А.Устьянцева. С 1997 года гармонист является Почётным гражданином города Каменска-Уральского. В 1998 году ему вручена городская премия «Браво» в номинации «Честь и достоинство». В 2008 году А.П.Устьянцев записан в десятый выпуск энциклопедии «Лучшие люди России».

Материалы подготовил С.Симанов

ШОК ПО-КАМЕНСКИ

(От редактора журнала)

Осенью 2010 года санкт-петербургское издательство «Таможенные терминалы», в серии «Шокирующая Россия» выпустило книгу прозы «Тихий омут» каменского писателя Игоря Краснова.

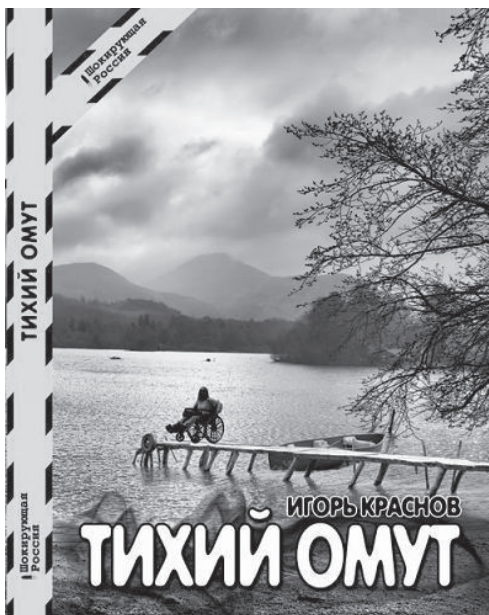
Мы, по привычке, продолжаем называть Игоря Николаевича каменским, хотя живёт он теперь в Екатеринбурге. Но книга-то написана здесь, в Каменске! А стало быть, она вся — наша, в ней всё — про нас!

Центральное место в ней занимает одноимённая повесть. Когда я её читал, во мне боролись два чувства: с одной стороны — гордость за земляка, за его творческую победу; и с другой стороны — боль и стыд за нас всех, за наш город. Не с потолка же, в конце концов, взял автор этот сюжет, не вымышленный доминтернат для инвалидов он нам показал. И хотя в повести не указано конкретных адресов, угадывается в ней всё-таки что-то до боли знакомое...

А.П.Чехов написал когда-то: «За дверью счастливого человека должен стоять кто-нибудь с молоточком, постоянно стучать и напоминать, что есть несчастные и что после непродолжительного счастья наступает несчастье».

Оглянитесь вокруг, посмотрите на нынешних властителей мира — счастливых и успешных, купающихся в роскоши и упивающихся властью. Какие там молоточки! Хоть кувалдой бей — им всё как слону дробина! А упрямые писатели да художники всё колют и колют своими «молоточками»... Услышан ли будет этот перестук? Или пропадёт, аки глас вопиющего?..

В этом номере мы публикуем рассказ Игоря Краснова, не вошедший в книгу.

Игорь Краснов

ИЗБРАННЫЙ

рассказ

Ему было плохо как никогда. Душа болела и, казалось, разрывалась на части. Вновь появилось чувство неудовлетворённости. Голова пухла от мыслей. Кто бы знал, как он устал от них!

Одного он никак не мог понять. Почему он до сих пор живёт? Почему не умер? Ведь несколько раз была такая возможность. Запросто, без его участия. Раз — когда чуть не утонул, другой случай — когда чуть не выпал из окна третьего этажа...

Потом вот эта болезнь.

Для чего он вообще рождён в муках, в крови на этот стремительный, страшный, грешный свет? Почему оставлен жить? Ведь жизнь всё одно не сложилась, проходит. Как в кривом зеркале...

Болезнь оказалась настолько тяжёлой и непредсказуемой, что целую неделю пришлось быть между жизнью и смертью.

Мать бросила сразу, едва врачи поставили диагноз. Сбежала, чтобы начать всё сначала.

Отец! О нём вообще не приходилось говорить. Только Богу известно, кто им был и что с ним теперь.

Он не умер, выжил. Только вот до окончания дней своих обречён быть прикованным к креслу-каталке.

Потому, наверное, как закономерность, логическое завершение, родным домом стали сначала детдом, затем дом-интернат. В казённых стенах, можно сказать, и прошла вся жизнь. Не жизнь, а какое-то однобокое, серое, никому не нужное существование — врагу не пожелаешь.

Боль в душе стала невыносимой. Срочно нужно было что-то сделать. Он огляделся. Взгляд наткнулся на недопитую бутылку водки, которая осталась после Дня его рождения.

Ещё один повод для невесёлых мыслей. На год постарел, потяжелел, обзавёлся букетом новых болезней — закон природы...

Он ухмыльнулся.

Бутылка на окне прочно держала взгляд. Мысли продолжали насиловать серое вещество. «А что, — неожиданно сказал сам себе, — допить остатки водки — и вырубиться до утра!..» Точно, хоть какой-то выход. Душа, наконец-то, обретёт покой — пусть временно, всего лишь на несколько часов. Кроме того, так есть надежда, что до утра и голова мало-мальски отдохнёт от неиссякаемого роя мыслей...

Думай!

Чего тут думать ещё, подъехать, взять бутылку, стакан из тумбочки — и дело, как говорится, сделано. Никаких проблем!

Так он и сделал. Поставил перед собой бутылку, стакан. Долго не раздумывая, налил и тут же разом опрокинул в рот. Горькая жидкость обожгла глотку. Его передёрнуло. В желудке началась целая война. Показалось, ещё немного — и водка через горло хлынет наружу. Хлеба с солью не оказалось под рукой, пришлось прибегнуть к народному средству — рукаву. На удивление помогло.

За это надо обязательно выпить!

Он выпил ещё. На этот раз вся процедура опрокидывания вовнутрь водки прошла намного легче. Подумалось только:

«Ч-чёрт, так и хроническим алкашом недолго стать...» Плевать! Зато теперь на душе теплее. Мысли больше не угнетали. Наоборот, произошла какая-то метаморфоза: они стали воздушно-легкими, безмятежными, хорошими, добрыми. Мрачное настроение улетучилось. Даже появилось какое-то необъяснимое удовольствие...

О, и за это тоже надо выпить!

Но не сейчас, чуть позже. Внутреннее чутьё подсказывало, что не стоит злоупотреблять, потому как всему есть предел, что если выпить ещё разок, другой... то исчезнет та невидимая грань — хрустальный замок, клетка! — которая сдерживает разум, человеческую сущность от душевного опустошения и деградации, скотского превращения...

Он откинулся, закрыл глаза и расслабился.

Отчётливо представилось, будто казённые стены рухнули — и он вдруг очутился на огромном летнем луку. Огромное голубое небо, солнце, облака, трава и цветы, цветы. Цветы были повсюду: синие, красные, жёлтые. Кресла-каталки не было. Это удивило и в то же время напугало. Он стоял на своих ногах, которые никогда не ходили. Его охватило радостное возбуждение. Он ясно почувствовал и лёгкое дуновение игривого ветерка, и тепло земли, и как трава ласково и нежно щекотала голые ноги. Вот оно, оказывается, самое настоящее счастье — неописуемое чувство, которое даёт надежду жизни и осмысление всему. Хочется сорваться с места вперёд к горизонту и бежать, бежать... Пока хватит сил. И кричать, кричать, чтобы все слышали, что он есть, что он живёт. Несмотря ни на что...

В конце концов, что произошло? По большому счёту, ничего. Просто временный упадок душевных сил, настроения. Завтра всего этого не будет. Ибо жизнь... она как зебра: полоса чёрная, полоса белая. И в его жизни тоже было что-то хорошее, светлое, настоящее.

Главное, он востребован.

Он — тоже часть природы, а не что-то ей противоположное. Это невозможно было отрицать, поскольку и его мысли, движения следуют тем же законам, что и движения звёзд и атомов. Как это написано в книге? «Человек — частица физического мироздания...» Точно. Не будь его, коллег-журналистов, друзей, студентов, которым помогает, — не было бы жизни. Земля — планета людей. Потому он не одинок. А значит, не стоит ныть.

В общем, грех жаловаться на судьбу. Другие вон вообще ничего не достигли в жизни, хоть у них и физически здоровое тело, здоровые руки, здоровые ноги. Не он, а они изгой! Всё потому, что не нашли в себе силы, не захотели выпутываться, искать причины в себе и выкарабкиваться. Конеч-

но, намного легче вопить, что всё так плохо, безнадежно. А ведь всякая проблема наверняка имеет какое-то решение...

Но почему тогда так остро болит душа, почему неудовлетворение? Неужели он всё-таки относится к тем, кто в жизни потерпел поражение? Кто знает — всё может быть. Или он страдает от своей немощной физической оболочки? Пожалуй, это скорее похоже на истину. Душа и тело — целостность человеческого единства. Потеря одного приводит к дестабилизации, душевному дискомфорту.

Может, потому он был не доволен собой и тем, как складывалась, протекала его жизнь. Порой ощущал себя страшно одиноким, что порождало в мыслях хаос, а в душе — непонятный страх. Что это? Самопоедание или обостренное восприятие мира, себя, людей? Он не знал точного ответа. Может, это было возбуждение не человека, стоящего на грани безумия, а человека, стоящего перед неизвестным, непонятным пока ему и потому угрожающим и страшным. Может быть, ему и в голову не приходит, что он сошёл с ума... Нет, наоборот, он отчётливо осознаёт, что находится в полном рассудке. Но слишком сильны перемены, ему хочется разобраться в их сути: если он поймёт хотя бы, чего он испугался, это будет шаг вперёд. В своём одиночестве он может сделать это только сам, страдая от него. Тем не менее, рассудок ревностно оберегает его, бьётся в нём, пытаясь понять: так что же происходит?

Он шумно глотнул слюну. И открыл глаза.

Комната погрузилась в вечернюю полутьму. Он сел удобнее. Подъехал к столу и зажгёт небольшую настольную лампу. Неяркий свет осветил комнату. Полки с дипломами, призами и изданными книгами, большой телевизор, музыкальный центр... Плоды его интеллектуального труда смотрели на него с чувством признательности и благодарности.

Тишину нарушал тихий, мирный ход невидимых часов.

Было на удивление тепло. И уютно.

Взгляд остановился на компьютере. Это то, что предназначено судьбой. От этого никуда не уйти, потому как судьбу не выбирают — её творят. Да-да. Это каторжный труд. И он обречён на него, на то, чтобы творить словом, писать рассказы и статьи — друзьям на радость и для тех, кому так нужна его поддержка, его надежда и вера в жизнь, в людей, в себя.

«Время не ждёт!» Вот его принцип жизни. Девиз. Как время не ждёт и движется только вперёд, так и он не имеет никакого права бесцеремонно относиться к тому, что дано свыше и родителями, какими бы они не были... Жизнь одна. По космическим меркам — это миг. А очень хочется прожить не впустую: как можно больше узнать, сделать. Вот и надо стараться жить по времени, не допуская того, чтобы и новый день прошёл понапрасну. Только вперёд!

И, после недолгого размышления, он принялся за дело, торопливо стуча пальцами по кнопкам клавиатуры. Время не ждало. Уже завтра в редакции должна была быть его очередная статья, а в ящике стола дожидалась рукопись новой повести. Сердце надрывно стучало в такт:

*О, нет, друзья, я не умру!
Я буду жить назло всему.
Назло судьбе любить...*

*Посетите персональный сайт писателя:
<http://krassnov.ucoz.ru>*

Стихи

Татьяна
Барышникова

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Я хочу поскорей дописать со стихами страницы,
 Я тогда бы их добрым друзьям просто так раздала.
 А ещё я хочу на гитаре играть научиться,
 Я тогда бы в мелодии эти стихи заплела.
 Пусть аккордом ручья зазвучит моя первая фраза,
 Я хрусталинки песен синичьих в ладонь соберу.
 И весеннюю песню, которую вы не слышали ни разу,
 Завтра вам под гитару спою поутру.
 Вот последние листья-страницы оторваны мартом,
 Завтра месяц апрель заступает в наследья права.
 Он на плечи берёзок накинёт зелёные, лёгкие шарфы,
 Из апрельских газонов
 Проклюнется вновь молодая трава.
 ...Мне бы только успеть
 Дописать со стихами страницы.
 Мне бы только успеть
 На гитаре играть научиться.
 Мне б успеть раздарить
 все стихи до последней страницы.
 Мне бы песню допеть
 Облакам, и ручьям, и синицам...

ЗВЁЗДНАЯ ПАМЯТЬ

(Памяти Людмилы Гурченко)

Пожалуйста, не плачьте надо мной,
Стремитесь делать добрые дела.
Я просто завершила путь земной,
Я просто в звёздный мир теперь ушла.

Я жизнь люблю и смерти не боюсь:
Мы все в иные формы перейдём.
А к вам я обязательно вернусь
Красивым звёздно-огненным дождём.

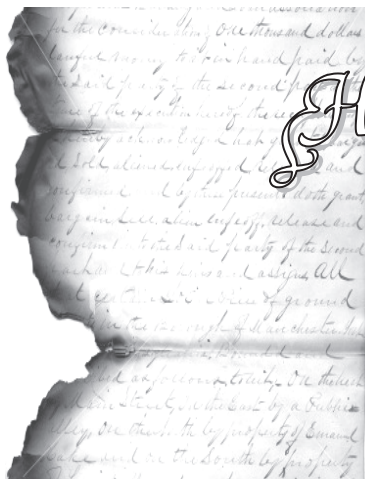
Люция.

(для тех, кому непонятно, просто Люся)

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Утро тихо раздвинет занавес,
А земля замрёт, свету радуясь.
И начнёт прелюдию чистую
Ветерок на флейте насвистывать,
Вслед подснежники полусонные
Отзовутся хрустальными звонами.
И под звуки их колокольные
Птицы выведут партии сольные,
Грянет хор петухов над деревнями
Проголосными перепевами,
И литавры - ручьи весенние:
Здравствуй, вербное воскресение!

Татьяна Александровна Барышникова — поэтесса, чьи стихи хочется петь. Возможно, когда-нибудь её мечта научиться играть на гитаре (озвученная в стихотворении «Весенняя песня») сбудется, и тогда мы обретём нового интересного барда. Но тогда у Татьяны Александровны, может быть, не останется времени для другой работы... Напоминаем: Татьяна Александровна — педагог, по своей первой профессии, и неизменный корректор нашего журнала.

Неоткрытое имя

Владимир Мишин сам говорил о себе в автобиографической справке «Писать стихи автор начал в раннем детстве. Но дописывать их до конца неловчился только в последние лет десять-двенадцать. Для этого ему пришлось закончить среднюю школу и не доучиться в художественной, отслужить в армии, получить высшее образование в стенах Свердловского архитектурного института (учился в одно время с участниками легендарного «Наутилуса помпилиуса», даже был свидетелем на свадьбе у Вячеслава Бутусова – по одной версии, по другой – лидер «Нау» сам был свидетелем на свадьбе Владимира; В.Д.), потрудиться на различных поприщах и даже обзавестись собственной дочерью. На стыке веков автором была предпринята робкая попытка переквалифицироваться из серьёзного поэта в несерьёзного писателя, т.е. писателя-юмориста. В том и ином качестве случались отдельные и довольно регулярные публикации в екатеринбургских газетах «На смену!», «Главный проспект», «Подробности», в «Областной газете». Еще более узкому кругу автор известен как исполнитель песен собственного сочинения»

Уже здесь, в этом документе, прослеживается отстранённый взгляд на себя, на собственную персону, причины которого выяснятся впоследствии.

В 2005 году поэт ушел из жизни. В 2006-м друзья издали сборник его избранных стихов «Как ни странно, но хочется жить...» Стихи также были опубликованы в журнале «Веси».

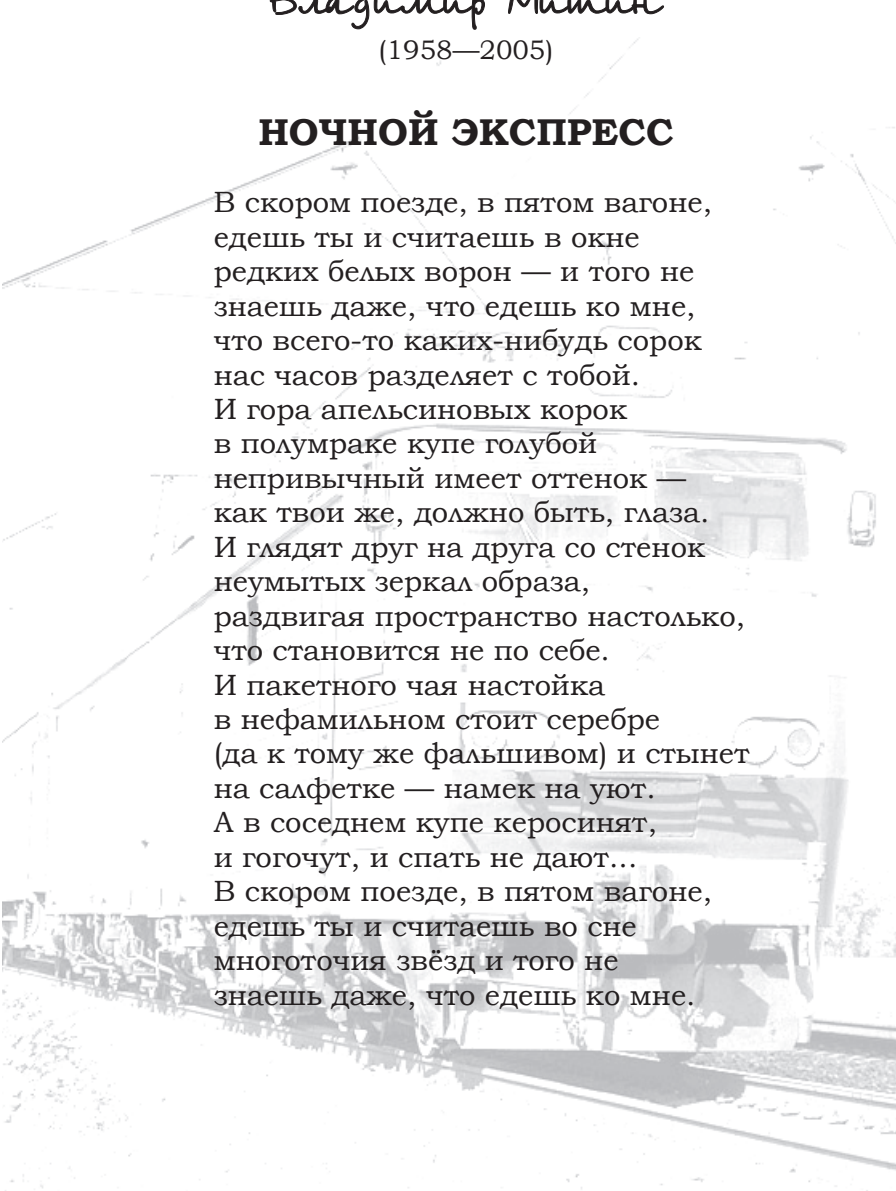
В предисловии к первой книге поэта Сергей Колосов писал: «...Он не видел себя в этой жизни. «Лишний» человек. Душила бессмыслица дальнейшего существования. Не желая понапрасну тянуть время ради продления и без того беспросветной жизни, безвестный Поэт шагнул с высоты... в еще более горшую безысходность...»

Виктор Доос

Владимир Мишин

(1958—2005)

НОЧНОЙ ЭКСПРЕСС

В скором поезде, в пятом вагоне,
едешь ты и считаешь в окне
редких белых ворон — и того не
знаешь даже, что едешь ко мне,
что всего-то каких-нибудь сорок
нас часов разделяет с тобой.
И гора апельсиновых корок
в полумраке купе голубой
непривычный имеет оттенок —
как твои же, должно быть, глаза.
И глядят друг на друга со стенок
неумытых зеркал образа,
раздвигая пространство настолько,
что становится не по себе.
И пакетного чая настойка
в нефамильном стоит серебре
(да к тому же фальшивом) и стынет
на салфетке — намек на уют.
А в соседнем купе керосинят,
и гогочут, и спать не дают...
В скором поезде, в пятом вагоне,
едешь ты и считаешь во сне
многоточия звёзд и того не
знаешь даже, что едешь ко мне.

Ещё стихи Владимира Мишина

НЕТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР, ИЛИ СТРАШНЫЕ СКАЗКИ-2

За окном почти что ночь,
и луна бела.
«Здравствуй, папа!»
«Здравствуй, дочь!»
Как твои дела?»

«Хорошо. А как твои?»
«Тоже хорошо —
без сотрудников ГАИ
день в трудах прошёл.

Я гонял туда-сюда
на лихом коне.
И клиенты, как всегда,
подавали мне:

кто копейку, кто пятак,
кто-то рупь почти —
набралось их так и так
около пяти.

И исчезли тут как тут,
лишь успел донести
хлеба фунт да соли пуд —
вместе будем есть.

А конфет — покуда нет.
Вот и все дела...
Где же ты была, мой свет?»
«В садике была.

Мы катались там опять
с горки ледяной.
Только мама ровно в пять
не пришла за мной,

и к шести осталась я
там совсем одна.

Зато кружку киселя
выпила до дна.

И давали нам ещё
сладкий пирожок.
А Егор себе плечо
чайником обжёг.

А Антон принёс в пальто
перочинный нож.
И ещё ждала я, что
ты за мной придёшь.

А альбома у меня
не было одной...»
«Потерпи ещё три дня –
будет выходной.

Мы поедem в зимний лес
собирать следы.
И отыщем сказку без
длинной бороды.

И зароем в снежный наст
маленький секрет —
а других с тобой у нас
не было и нет.»

«А лепить снеговика?...»
«...и чудес мешок
наберём. Ну, а пока
дуй-ка на горшок.

Час уж поздний — и пора
спать и видеть сны.
(А разбудит нас с утра
пятый день весны.)

До свидания, малыш!»
«До свиданья, пап!»
За стеной скребётся мышь —
лепит снежных баб.

Узгив гитары

Воистину повезло тому стихотворению, которое стало песней. Воистину повезло тому автору, который сам способен превратить свои столбики зарифмованных мыслей в гармонию музыкальных звуков.

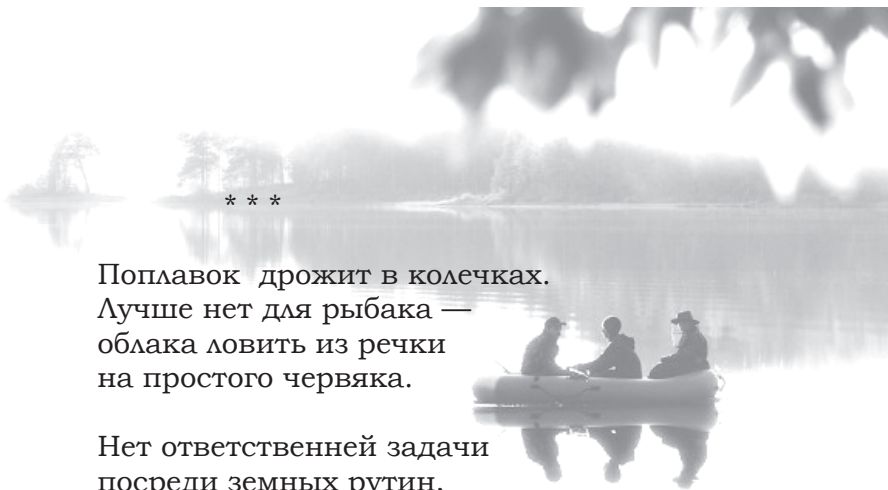
В этом номере мы решили представить несколько стихов, которые, по воле их авторов, стали песнями.

Сергей Симанов

ТАНГО «ЗОНТИК»

Поставь на пластинку зонта
дождя водяную иглу.
Мы будем под шелест зонга
кружиться в фокстроте луж.
Листвой дирижирует осень,
деревья ударили в медь.
Под птичье многоголосье
мы будем кружиться и петь.
От сердца и до горизонта
заполним мелодией мглу...
Поставь на пластинку зонта
дождя водяную иглу.

* * *

Поплавок дрожит в колечках.
Лучше нет для рыбака —
облака ловить из речки
на простого червяка.

Нет ответственной задачи
посреди земных рутин,
чем вытягивать удачу
из заоблачных глубин.

Сергей Иванович Симанов — поэт, бард, руководитель творческого отдела Каменск-Уральского Социально-культурного центра.

Стихи публиковались в журналах «Урал», «Веси», «Уральский следопыт», «Каменский завод», «UNIVERSUM», «Крушение барьера», «Млечный путь», в альманахах «Поэтический марафон», «Свезар», в сборниках «Духовной жаждою томим», «Поэзия мужских имён», «Алюминиевая муза», «Вечный огонь», «Каждый корень в земле не прост», в коллективных сборниках «Нагая муза», «День поэзии — 95», «Рождественский поэтический». Автор книги стихов «Линия жизни» (2002). Член Союза писателей России.

Песни писать начал с 1988 г. Продюсировал «Смысловые галлюцинации», «Панков по пьянке», Лауреат Всесибирского фестиваля «Рок-периферия-1990» в Красноярске. Собственные проекты - «Временное правительство», «Бонч-Бруевич», Группа альтернативного попса, «Разбитое корыто», «Доктор Арендт». Лауреат фестивалей «Горизонт» (Екатеринбург, 1998 г.), «Зелёная лампа» (Н. Тагил, 1994, 2001, 2002), 14 раз становился лауреатом фестиваля авторской песни «Зелёная карета» (3 раза — Гран-при). В настоящее время руководит ансамблем авторской песни «Неправильные пЧЕЛЫ».

РОССКАЯ ПЕСНЯ

Махом в Мономахи, иль не по Стеньке шапка?
Захлебнуться кровушкою: кушай – не хочу.

Каждому Романову –
по престолу шаткому,
всем Степанам Разиным –
по палачу.

Нас идут огнём крестить,
хоть выноси иконы,
заварили свадебку:
хрипеть не перепеть.

Каждому Кутузову –
по Наполеону,
каждому Сусанину –
по кривой тропе.

Раззудись, рука,
взмахни во четыре стороны,
всё едино, братушки,
всё к месту, всё к лицу.

Каждому Стаханову –
сто четыре нормы,
Павликам Морозовым –
по отцу.

В полный рост под пулями.
Да не бойсь, пехота!
Енералы brave наградят с лихвой
каждого Матросова –
персональным дотом,
каждого четвёртого –
жестяной звездой.

Пусть глаза тоской прольются
до небесной сини,
небо журавлиное
пусть бабой взголосит.
Каждому поэту – по России,
каждому мессии – по святой Руси...

Елена Игнатова

В ТЕХ КРАЯХ...

В тех краях, где пишется легко,
Песен петь, как правило, не просят,
В тех краях туманов молоко
Пробует разборчивая осень.

В тех краях красавица-зима
Пригласит на чудо-вернисажи,
А весной цветенья кутерьма
Зимние дублирует пейзажи.

В тех краях июльские дожди –
Солнца и воды столпотворенье!
...Там любви нечаянный кредит
Плату выдаёт стихотвореньем.

Там в пути надежды геликон
Новую мелодию подбросит...
Как там песни пишутся легко!
...Только петь, как правило, не просят.

МОТЫЛЁК

Сколько хочешь – проклинай эту землю,
Вспоминай свои грехи, сатанея,
Но взгляни на эту нежную зелень
С пламенеющим рассветом над нею,
На промытый двор от первого ливня
И заметь, дружок, о прошлом вздыхая,
Как над клумбой, хлопотлив и наивен,
Мотылёк вдали беспечно порхает.

Он средь зелени весенней обычен,
И наряд его почти безыскусен,
А что птицы караулят добычу,
Мотылёк, поди наверное, в курсе.
Но не лечит жизнь его и не корчит,
И, порхая средь весенних эссенций,
Ничего он в ней исправить не хочет,
Лишь подружку себе ищет по сердцу...

Елена Леонидовна Игнатова практически не нуждается в представлении. Она известна и почитаема, её творческая биография немыслима без Каменска. Именно отсюда «пошли в народ» её песни под гитару, именно здесь была написана большая часть стихов, вошедших в книгу «Яблоневый свет», вышедшую в Екатеринбурге в 2004 году.

Пожалуй, нет на просторах России такого бардовского фестиваля, где бы не знали и не почитали Игнатову. Она — победитель Норильского, Ильменского и Саянского, дипломант Грушинского. Коллега «по цеху» Александр Городницкий назвал её однажды «золотым фондом русской поэзии».

Ныне Елена Леонидовна — житель Абакана, столицы Хакасии.

ШЁЛКОВАЯ НОЧЬ

Я погасила свет.
Замешкалась немножко
у тёмного окна, бессонницу уняв,
и шёлковая ночь, огромнейшая кошка,
набросилась в тот миг на сонную меня.

И тотчас всё вокруг собой заполонила,
(от звёздного дождя кружилась голова),
и, словно бы иглой из старого винила,
наверчивала ночь волшебные слова.

О, Танатоса дочь с кошачею повадкой,
звериный проводник в забытые миры –
дожить бы до утра – и в брошенной тетрадке
по отпечаткам лап узнаю твой порыв!

А нынче – я твоя! неси меня, родная,
как пойманную мышь, сквозь мрак и звёздный дождь,
я, может быть, с тобой когда-нибудь узнаю –
в какой из всех миров однажды попадёшь.

Предвижу, что хлопот с тобой не оберёшься,
но верю, что найду в зрачках твоих ответ,
когда, притихший зверь, – котёнком обернёшься
и бросишься играть.
И хлынет яркий свет.

Юрий Бугаев
НЕРАДОСТНЫЕ ПЕСНИ

I

Пьяня, как хмель, весенний ветер веял,
 И распускались ранние цветы.
 Синела ель, меж нежных лилий реял
 Янтарный шмель, когда явился ты.
 Пылал апрель, и падал луч, алея,
 На колыбель, когда явился ты.

Дождь заряжал, стихал и снова сеял,
 Сгорали вмиг, рождаясь вновь, цветы.
 И ты искал, и флаг на рее реял.
 Но киль на мель – её не видел ты...
 И ты сникал, цель, что искал, лелея;
 Ведь цель ушла – её не видишь ты.

Судьба – сонет, переходящий в прозу.
 Томится песнь в оковах суеты.
 И если нет в твоём букете розы,

Ценить мимозу соизволь и ты.
Пусть розы нет, как нет причин для позы;
Ценить мимозу научись и ты.

Дожди всё смоют: лепестки и слёзы.
И ты уйдёшь в надежды и мечты.
Взмахнут листвою белые берёзы
И вспомнят день, когда явился ты.
Младой листвою вновь качнут берёзы,
Как в давний день, когда явился ты.
И тень и свет шлют вам вослед берёзы,
В тот самый день, когда...

II

Мне сказал некто мыслью богатый:
«Ухо в сторону умных держи...»
Ну, а я, будто в ухе том вата, –
В камыши, в камыши, в камыши.
И затих – мудрость ведь не зарплата:
В камыши – от души, от души.

БАМ построили, поезд стрекочет.
Предлагают купейный билет.
Я ж взлетел на плетень, словно кочет:
Денег нет, всем привет, денег нет.
И затих: ни на БАМ, ни на Сочи
Денег нет – всем привет, всем привет.

Ты кричи, не кричи – не услышат!
Где корпели – похмельная дурь!
Где ходили на цыпочках – бегают мыши,
Но в почёте призыв: «Балагурь!»

Где гнездилась с птенцами орлица,
Где сияла меж листьев лазурь,
Там теперь только пепел клубится,
Но в фаворе девиз: «Балагурь!»

Надо верить, мечтать и бороться,
Дом построить и вырастить сад,

Оседлать на скаку иноходца,
Сделать радужным тусклый фасад.

В подворотню просунулось рыло
И сказало: «Вам не до того».
А в ответ кто-то буркнул уныло:
«До того» — — — — — —
Словно выменял шило на мыло:
«До того — — — и-и-и-го-го!!!»

III

Один – мечтать в тенистый сад,
Иным – работа дни и ночи.
Одних встречает листопад,
Других – олимпиада в Сочи.

А дни бегут за годом год,
Скользят, как лодки от причала.
Глядишь – и уж в круженьи вод
Им путь свой не начать с начала.

Недели, дней у каждой – семь,
Как ни геройствуй, брат, – не восемь,
Уносят не весну совсем – осень.

Как славны берега реки –
Что толку-то, не зная броду,
Стоишь, взгляд вставлен сквозь очки – в воду.

А в небе – журавлиный клин –
Укором твоему бессилью.
Ещё бы, за плечами, блин, – крылья.

На тусклой глади – яркий лист
Плывёт, не приложив усилий.
Ведь, как и ты, идеалист,
Покуда жив, под небом синим.

Стоять иль тихо уплывать:
Вода и боль неумолимы.

По цели ли опять стрелять:
Ведь стрелы вновь, как в призраке, – мимо.

И всё же заново яви
Энергию, что скрыта в луке,
Заявленную в тетивы звуке.

Быть может, что лишён ты лишь
Упругости согнутой ветви,
И жизнь в ответ на это – шиш, нет ли?

Так, стало быть, преодолей
Угрозу роковой ошибки:
Стань, борец, в отношенье к ней – гибким!

В грозу, в метель, в беспутье дней – гибким.

Хроника
утраченного
равновесия

Портрет
неизвестного
в шляпе

Юрий Иванович Будаев – уроженец Каменска-Уральского, где живёт и доньне. Здесь же учился в ДХШ № 1 (самый первый выпуск). Затем – Свердловский архитектурный институт. Соответственно в жизни чаще всего – архитектор-художник, конструктор, строитель.

Что касается сочинительства – готовил нечто для дат и мероприятий там, где проектировал. Показывал сочинённое на ватмане, а бывало – и под гитару. В нашем журнале время от времени публикуются те вещи Юрия, что, по его словам, рождены не «по случаю», а «для души», а сочиняются у него таковые, по его же словам, приблизительно с середины 2000-х...

Юрий Иванович, с неразлучной своей гитарой, принимает участие в различных концертах, выступает на бардовском фестивале «Зелёная карета».

Помимо стихов и песен, Юрий создаёт графические листы, акварели, его работы выставлялись. На этой странице – две его графические работы

Память

В этом году художнику **Юрию Михайловичу Северухину** исполнилось бы 75 лет...

Юрий Михайлович родился в Каменске-Уральском 17 апреля 1936 года. Занимался в изостудии дворца культуры Синарского трубного завода у Ивана Сергеевича Грибова. Во время службы в армии обучался в студии военных художников, руководил которой народный художник СССР Н.Н. Жуков. Потом окончил областные курсы художников-оформителей. Как театральный художник проходил стажировку в московских театрах. Работал главным художником в муниципальном театре драмы Каменска-Уральского. В 1976 году Юрий Северухин стал председателем городского творческого объединения, членом городского художественного совета.

Художника не стало 25 мая 2009 года...

Далеко не все знают: Юрий Михайлович писал стихи...

Юрий Северухин

О СЕБЕ В СТИХАХ

Моё жилище – бес.конечность,
Мои одежды – бес.приют...
...А рядом проплывает вечность,
Там что-то грешное поют...

* * *

В цветочувстве изящные ветки,
Небо – музыка чувственных гамм.
Листья, как золотые монетки,
Тихо падают к Вашим ногам.

Роспись стен в квартире художника

* * *

Мир заболел, и стали ярче краски,
И чётко выражают Абсолют...
Возможно, я рассказываю сказки,
А, как известно, сказки сладко лгут.

Но мне приятны самовыраженья,
И я стараюсь кисточкой водить...
И если это даже заблужденье,
Мне раствориться в цвете – вечно жить!

Колобок

Странички для детей

Николай Белозёров

(Салехард)

АППЕТИТНЫЙ ГЛОТ

А ты знаешь такого зверя,
Что зовут Аппетитным Глотом?
Только выйдешь из дома за двери,
Только скроешься за поворотом,
Как на кухне твоей из-под шкафа,
А быть может, из-за холодильника,
Не похожий ни на жирафа,
Ни на лампу ночного светильника,
Появляется не бегемот, –
Аппетитный, конечно же, Глот!

Вот уж праздник его аппетиту!
На столе всё осталось накрытым!
И на стул твой взбирается Глот,
И жуёт с колбасой бутерброд.
Аппетитно и вкусно ему,
Очень любит тот Глот колбасу.

Любит он и салат и сосиску,
В супе лук любит он и ириску,
Обожает цветной винегрет,
Без ума от домашних котлет,
Рыбкой тоже не прочь поживиться,
Морсом клюквенным вдоволь напиться,
В общем, всё, что стоит на столе
Скоро будет в его животе.

Но, когда ты вернёшься домой,
Включишь свет, дверь запрёшь за собой,
Как на кухне опять никого,
Только ветер стучится в окно.
Да мяукнет разбуженный кот,
Где же ты, Аппетитный наш, Глот?

* * *

Как же быстро ты, дочь, подрастаешь,
Раскрасавица, умница, школьница!
Своей маме во всем подражаешь,
Семилетняя девочка-модница.

Я на наши смотрю фотографии,
Ты на них вдоль дивана с поддержкою,
На обоях – урок орфографии,
Или я за тобою пробежкой.

Чуть повыше ты кукол подаренных,
А характер уже проявляется.
Королевой на ручках папиных,
Ангел мой всем вокруг улыбается.

Как же быстро растёшь ты, доченька!
Сообщенья мне шлешь телефонные,
Всё короче для снов моих ноченька,
Всё длиннее рассветы бессонные.

Рисунок Ирины Толстиковой

24-26 июня 2011 года в Каменске-Уральском прошло Международное совещание молодых писателей и Международный писательский форум «Рифейские встречи». Около 30 маститых и 60 молодых авторов приехали в наш город.

К сожалению, рамки журнала не позволяют осветить творческий процесс в полной мере - подробнее о событиях форума можно прочитать на страницах нашего сайта (litclub-phoenix.ru/blog/1-0-5)

А на страницах нашего печатного издания мы предлагаем вам познакомиться с некоторыми произведениями творческой молодёжи.

События

Александра Малыгина
(Барнаул)

* * *

Ночь опустилась тихо и легко.
Испуганно небесной лодкой замер
Молочный месяц прямо над рекой,
И звуки стали видаться глазами:

Шептанье листьев, жаждущих летать,
Страх не готовой к перелёту стаи,
Дыханье волн, что лёд перевозмогая,
Как можно дальше сияются бежать...

И в этот час, когда земная твердь
Подёрнута ночью пеленою,
Хочу, на звёзды глядя, замереть,
И, как рассвета, встречи ждать с тобою.

Наталья Лощёнова

(Харьков)

ПЛАСТМАССОВЫЙ МИР

Мир тебя обманул – он штампует всё новых богов.
Ты возводишь им храмы, даёшь имена, просишь чуда...
И живёшь в дураках... И рождаешь себе дураков.

Даже если родился Христос –
вырастает Иуда.

Твой пластмассовый мир
пожирает тебя на десерт.
И от выкриков «Горько!» уже
не становится слаще.
Продевая на нитку войны
пару бусин побед,
Ты дракона в себе –
выпускаешь на волю всё чаще.

И лети, лепесток, разрушая попутно мечты...
У богов снова просишь увы не прощения – зришиц,
Выбирая свободу духовной своей нищеты.

Не изменится мир. Потому что себя – не изменишь.

Елена Колесниченко
(Омская обл.)

ДУДОЧКА

Вырежи мне дудочку
из ивовой коры.
Будет плакать дудочка
до зоревой поры.
Будут литься локоны,
как гречишный мёд,
Пусть земля холодная у чужих ворот.
Плачь сильнее, дудочка,
во чужом краю!
Я всю душу выдую в дудочку мою.
А с утренним дождичком,
со свежим молоком
Станет моя дудочка
рыженьким дымком.

Вехи

С Надеждой Васильевной Сухих читатели нашего журнала знакомы как с автором детских и взрослых стихов, исполнительницей собственных песен — но пока мало кто знает, что Надежда Васильевна ведёт большую исследовательскую работу: она буквально по крупицам собирает воспоминания участников Великой Отечественной войны и их потомков. Записывает их и готовит к изданию.

Зачем это нужно? На этот вопрос сама Н.В.Сухих отвечает в предисловии к своей пока неизданной книге «Нет войне»:

«Мы хорошо знаем наших земляков — Героев Советского Союза, которым поставлены памятники, в честь которых названы улицы. Но мы должны также помнить и о тех воинах, которые хоть и

не были отмечены столь высокой наградой, но приложили все усилия, пролили кровь и отдали свои жизни ради защиты Отечества, так и не увидев мая 1945 года. Что осталось в их семьях в память о них? Письма с фронта, ответы на бесконечные запросы, поиски места захоронения, пустота...

Каждый год 9 мая наша страна отмечает праздник Победы над фашистской Германией. Мы чествуем оставшихся в живых ветеранов, произносим слова поздравлений. На парад в этот день приходит всё меньше и меньше участников Великой Отечественной войны... Что же они оставят нам в наследство? Мемуары, документы, фотографии, ордена, медали...

Тема войны меня очень волнует, и я пишу о ней стихи, но не на заказ, а по зову сердца. Я хочу, пока не всё потеряно и забыто, помочь сохранить воспоминания тех, кто в войне участвовал и остался жив, а также о тех, кого уже нет, но чьи родные и близкие продолжают помнить их рассказы о ней, бережно храня, как реликвии, их бумаги и вещи...»

В этом номере, с разрешения Надежды Васильевны, мы публикуем небольшой фрагмент из её изысканий.

ОНИ ПОЗНАКОМИЛИСЬ НА ВОЙНЕ!

Молотников Исаак Маркович родился 30 марта 1921 года в г. Велиж Смоленской области в рабочей бедной семье. В 1939 г. окончил школу на отлично и стал думать: «Куда дальше пойти учиться?»

Его любовь к математике определила выбор института. В справочнике для поступающих в ВУЗы больше всего часов по ней было в Ленинградском горном институте, туда он и подал свои документы, но учиться ему пришлось после зачисления недолго – всего 2 месяца.

Если раньше призывали служить в армию с 21 года, то в 1939 году стали призывать на военную службу с 18 лет тех, кто окончил школу или учился на первом курсе института. Этот приказ круто изменил судьбу восемнадцатилетнего студента первого курса. Молодого солдата призывали служить в войска ПВО Ленинградского военного округа. Сначала была учёба в полковой школе и присвоение звания «сержант», затем – призыв на Финскую войну.

И.М.Молотников - курсант

И.М.Молотников - сержант

Вот что о том времени рассказал Молотников: «Первые две недели из окопов, вырытых на Пискарёвском кладбище, мы вели борьбу с «кукушками» – так называли снайперов, сидящих на деревьях и прицельно расстреливающих наших бойцов. Затем – наступление от Карельского перешейка на Выборг (100 км. от Ленинграда).

Город поразил отсутствием людей и незакрытыми на замок дверями в жильё. Оказалось, что в те времена воровство в Финляндии было очень редким явлением. За него людям постепенно укорачивали правую руку (сначала вор лишился кисти, потом руки по локоть). Жуткое явление, но очень действенное. Не надо было никаких документов, чтобы знать, что перед тобой вор. Командованием советских войск был издан приказ расстреливать мародёров. Финская война длилась 4 месяца. Никаких наград в ней я не получил.

В 1941 году кончилась моя служба в армии, но 22 июня получили страшное известие о вероломном нападении на нашу Родину фашистской Германии. Война застала меня в Ленинграде. В начале войны нередко были случаи дезертирства с поля боя. Тогда Сталин издал приказ № 227, по которому разрешалось расстреливать на месте за попытку дезертирства.

Мы называли этот приказ: «Ни шагу назад!» Я тогда был старшим сержантом, но на офицерской должности, ответственным секретарём ВЛКСМ батальона (400 человек). Поэтому довелось мне участвовать в военном совете фронта в Смольном, куда и полковники-то не часто приглашались. Но так распорядился ко-

мандир полка, велел мне ехать с ним. На совете как раз шла речь о приказе «Ни шагу назад!» За всю войну в нашем полку необходимость применять его не возникла ни разу!

Из Ленинграда спешно проводилась эвакуация детей и других жителей. Из 3,5 миллионов человек в городе осталось 2 миллиона. **Началась блокада Ленинграда!** На каждый квадратный километр враг выпустил более 950 бомб и снарядов, не считая пуль.

И.М.Молотников - капитан

Очень часто вспоминаю один эпизод, который произошёл со мной в г. Ленинграде на Невском проспекте в день приезда на совет. До него оставался час свободного времени. 8 утра. Город будто вымер. Иду я по Литейному проспекту, а навстречу мне девушка лет двадцати очень худая, просто обтянутый кожей скелет. Поравнялись мы с ней, улыбнулись друг другу и разошлись. Не прошёл я и пяти шагов, как слышу позади себя хлопок. Оглянулся, – девушка лежит навзничь мертвой. Представляете, вот ужас-то!.. 5 секунд назад она мне улыбалась! А если бы шёл вместо неё в ту сторону я?..

Страшно вспоминать о том какую мученическую смерть приняли люди в дни блокады... Голод внёс свою лепту. В самые первые же дни войны немцы разгромили Бадаевские склады с запасом продовольствия на 3 года. За время блокады население Ленинграда уменьшилось на 1 миллион, то есть наполовину.

В самую страшную зиму 1941-1942 годов суточная норма хлеба была снижена до 125 граммов. Город вымирал, и не случайно блокадники приравнены к участникам войны.

Нам, военным, выдавали на день по 125 гр. сухарей или 250 гр. хлеба, миску жиденького супа без мяса, заваренный чай и 100-граммовую плитку шоколада на неделю вместо сахара. Во время войны мне присвоили звание «капитан».

Блокада кончилась в январские дни 1944года.

Я вспоминаю тот праздничный день 9 мая 1945 года. Мне всё никак не верилось, что мы остались живы...

Кончилась война, но не кончилась моя служба в Советской армии. Ушёл я с неё в 1959 году, с должности начальника штаба полка Полярной дивизии ПВО по состоянию здоровья в звании «подполковник». В 1995 году мне присвоили звание «полковник в отставке».

Был **награждён за годы войны** тремя орденами: орден Отечественной войны и два ордена Красного знамени, а также семью медалями: «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги» и другие. Затем получил юбилейные награды. Теперь у меня 19 медалей и три ордена.

После службы в армии по 1986 год работал начальником телеателье и инженером УПКБ «Деталь».

Когда я узнал, что писатель Александр Чаковский опубликовал в «Роман-газете» своё произведение «Блокада», то сказал жене, что читать его ни за что не буду. Тяжело, да и не верил, что у него получился правдивый рассказ о

Супруги Молотниковы

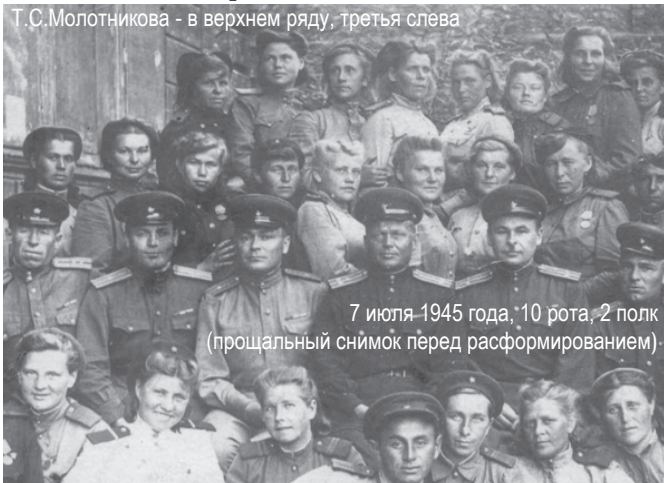
ней, ведь он был блокадником всего 120 дней. Но всё-таки не утерпел, прочитал и был поражён правдивостью романа. Я написал ему письмо и получил на него ответ. Письмо где-то затерялось.

Именно там, в блокадном Ленинграде я встретил свою будущую жену Тамару Семёновну.

Мы служили с ней в одном полку, но в разных ротах. **5 ноября 1945 года состоялась наша свадьба.** Мы прожили вместе 65 лет, этот юбилей ещё называется железным: наверное, потому, что никакие невзгоды не помешали прожить вместе такой срок».

Тамара Семёновна Молотникова родилась 8 февраля 1925 года. В 1943 году после окончания школы она пошла в военкомат и попросилась на фронт. Совпало так, что нужно было призвать трёх девушек, и именно столько пришло в тот день, но до 18-ти лет ей не хватало одной недели и Тамаре пришлось ждать, когда она пройдёт. По «дороге жизни» на Ладожском озере в 1943 году она приехала служить в Ленинград. После окончания курсов молодого солдата Тамару Семёновну послали служить в

Т.С.Молотникова - в верхнем ряду, третья слева

7 июля 1945 года, 10 рота, 2 полк
(прощальный снимок перед расформированием)

ли служить в

полк ПВО, где ей присвоили звание «младший сержант». Дежурила она на командном пункте городской ПВО, глубоко под землёй. Службу в армии она окончила в звании «сержант». Были и награды.

И.М.Молотников в феврале 1986 и в июле 2010 года

ГЕРМАНИЯ, КОНЦЛАГЕРЯ

Балахнин Алексей Дмитриевич родился 4 октября 1904 года в деревне Кочковатое (Оконешниковский р-н в Омской области). **В августе 1941** года был призван в действующую армию и в составе Сибирской дивизии попал на Ленинградский фронт, где **15 сентября под Ленинградом раненным попал в плен и был вывезен в Германию**. Его жена Елена Радионовна получила извещение, что её муж считается без вести пропавшим. С пятерыми детьми на телеге приехала она работать в совхоз. Старшая дочь Вера работала трактористкой и её в 19 лет призвали в армию, хотя не имели права. Она была старшей в семье, где остальные дети были несовершеннолетними. Постарался председатель совхоза. Набирали в армию трактористов, и он вместо своей дочери вписал в список Веру, подав о ней неправильные сведения. Через полгода, воюя на танке, Вера получила ранение в глаз и из госпиталя о ней подали сведения в военкомат, где сверив документы, разобрались, что произошла ошибка, и её вернули домой. Дочь председателя призвали всё-таки в армию. Вера умерла в 1995 году.

Огромные потери армии в начале войны принудили призывать на службу даже женщин. За годы Великой Отечест-

**венной войны в разные ро-
да войск их было призвано
более 800 тысяч.**

Елена Радионовна всю жизнь ждала мужа, писала во все организации запросы, пытаясь разыскать весточку о нём, и, проливая горькие слёзы, очень жалела, что при пожаре вместе с домом сгорели все фотографии и то единственное письмо, которое она получила от него с фронта. Умерла она в 1990 году, так и не дождавшись ни мужа, ни сведений о нём. Поиск продолжила его дочь Солган Валентина Алексеевна (1939 года рождения). **Только 12 февраля 2008 года** она получила ответ из Центра розыска и информации Российского красного креста из г. Москвы, что её **отец умер 14 ноября 1941 года в немецком лагере военнопленных Шталаг 9-А в г. Цигенхайн**. На первых прибывших в лагерь военнопленных личные дела заходили без фотографий, поэтому в деле остались лишь его отпечаток пальца и личная роспись. Дочери выслали копию анкеты, запол-

[illegible]

Не зря говорят, что надежда умирает последней. Эта семья хоть через 67 лет, но получила ответ на запрос. А сколько ещё его ждут? Дождутся ли? Ведь сведений о тех, кто погиб и похоронен в ходе боёв многие тысячи. Энтузиасты находят безымянные захоронения, восстанавливают имена погибших, но это капля в море. **Не дай Бог, чтобы такое повторилось!**

Помело

Сатира, юмор

Александр Матусов

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

Рыбин уже месяц пребывал в дурном расположении духа. Ничего в жизни не радовало – ни пенсия, ни даже приближающаяся с каждым днём весна. Годы-годы делали своё подлое дело. Вес прибывал, несмотря на робкие попытки Рыбина попоститься хотя бы неделю. Брюхо, как всегда, выходило победителем. А чему ещё радоваться в жизни? Дети жили в другом городе и, в связи с мировым кризисом, ограничивались поздравлениями к главным праздникам и дням рождения. С женой уже лет десять как они расстались, после чего он женщин стал бояться, да и они не проявляли никакого интереса к его персоне. Все остальные тоже обделяли вниманием, как будто он не отдал тридцать лет родному заводу. У всех, как говорят сейчас, свои проблемы, – рассуждал Рыбин, идя по скользкой мартовской мостовой.

Опять дворники спят, или вообще их нет в городе. Навернётся, а потом кто будет за тобой сломанным ухаживать. Теперь старый пенёк Рыбин даже не мечтал снова стать берёзкой. Мечтал без особых потерь добраться до своего приятеля Пегасова, что жил в двух кварталах от него. В его ушах звучала мелодия уже позабытой нынче песни:

*И вся эта весна ни к чему,
И песня не нужна никому,
И талая вода – ерунда.
Да! Да! Ерунда-а-а-а!!!!*

Раньше эта песня ему казалась весёлой и смешной. Теперь Рыбин на своей жизни убеждался в правоте этих слов... Нет, не смешно, да и не весело. Всё – чистая правда. А тут ещё неприятность очередная. Месяц назад купил компьют

ьютер. Хотел освоить на старости лет прогресс, потому как времени свободного теперь навалом. Выбрал самый недорогой. Ну и, конечно, залетел с покупкой. Через неделю ПК стал барахлить, писал чёрт те что, почему-то на японском языке, которого Рыбин сроду не знал. Пришлось сдать обратно в магазин. Штуковина не из лёгких, тяжелее ведра картошки будет, причём без ручек делают, гады. Потом, когда забрал его из ремонта, оказалось, что программа за которую пришлось выложить полторы тысячи кровных, стёрта. И в гарантии об этом оговорено, мол, «за сохранность информации предприятие никакой ответственности не несёт». Пришлось ставить программу по-новой, за полторы штуки опять! Во второй раз компьютер рассказал Рыбину, что он, то есть компьютер, скоро накроется. И жить, мол, ему осталось недолго. Ревел, умолял пожалеть, хулиганил. Позвонил Рыбин в мастерскую – там заверили, что сделали всё как надо и всё тщательно, мол, проверили. Короче говоря, ПК забастовал через три дня окончательно. Пришлось Рыбину топать знакомой дорогой опять с «ведром картошки», только без ручки. И тут оказалось, что накрылся этот самый главный диск, и та программа, которая на нём была. Значит, опять придётся платить за установку. Чтой-то техника-то, как баба капризная, требует и требует жертв, да и хорошего здоровья тоже. А вот его-то и нет. С такими невесёлыми мыслями Рыбин поднялся на пятый этаж, где жил его приятель.

Пегасов ремонтировал старые сапоги, прикреплял к ним две тёрки, подобранные, как он сказал, на помойке. Оказалось –годились. В гололёд – неоценимая новаторская штуковина! Хоть и без электричества и электроники, но с любых горок можно спускаться без всяких проблем...

Конечно, не коляска гоголевская, сделанная из топора и долота, но судя по всему, в русском человеке ещё остался присущий только ему особый талант выживать при максимальных трудностях с минимальными затратами для кошелка, чем охотно пользуется до сих времён любая наша власть.

Поздоровались. Пегасов подал табурет. Отдышавшись, Рыбин поведал приятелю о своих, свежих ещё, мытарствах с проклятым компьютером.

– А ты знаешь, отсутствие прогресса в твоей жизни это даже хорошо, – сказал Пегасов, отложив шило в сторону.

– И что же тут хорошего? – спросил Рыбин,

– А ты включи воображение и соображение, – отвечал шустрый разумом Ньютона и фантазией Гофмана Пегасов. – Ведь теперь ты сможешь больше времени проводить на улице, на свежем воздухе – один и с друзьями, и даже с подругами, а не сидеть в вонючей квартире. У тебя освободится масса времени!

– И что я с ним буду делать?

– А вот хотя бы приспособления, как я, – отвечал Пегасов. – Видишь, из всего надо извлекать выгоду для себя и окружающих. Лёд, например, сколоть возле дома, весной вскопать газон, да цветы посадить. Красиво надо жить! Красота – она мир спасёт, говорят...

– Да это всё так, правильно ты говоришь. Я тут купил полгода назад халат, красивый, почти как ты говоришь. На базаре, по сходной цене. За весь мир не скажу, но меня от холода спасал. Да вот стал стирать его в машине, так он всю мою одежду, нижнюю и верхнюю, розовой сделал. Красит, понимаешь, и краска никак не кончается.

– Так и отлично! – вскричал Пегасов. – Теперь у тебя вся жизнь будет в розовом цвете, как в раю. И потом, врачи говорят, что розовые цвета прибавляют настроение в нашей серой жизни, спасают от депрессии.

– Издеваешься? – поинтересовался Рыбин.

– Никак нет, на полном серьёзе. Ну, прикинь, вот купил бы ты тогда разноцветный халат или какой-нибудь чёрный. Что бы ты тогда имел?

– Это ты верно сказал! И правда, пришлось бы всё выкидывать.

– Я ж тебе и толкую: во всём надо находить пользу для се-

бя и для окружающих. Главное, чтобы не было войны, Петрович!

– А как тебе это? – раскрыл Рыбин припрятанные на всякий случай козыри. – С первого января повысили тарифы на ЖКХ, да и проезд на транспорте я теперь должен оплачивать из своего кармана! А пенсия, между прочим, такая же.

– И это правильно! Твоя квартплата увеличилась, стало быть, и цена твоей квартиры автоматически – тоже! Ты уже теперь больше, чем миллионер. И потом, они же спасают этим тебя и продлевают твою жизнь. Теперь ты не будешь пару-тройку остановок ехать в душном автобусе, а спокойно прогуляешься по свежему воздуху. Врачи советуют в нашем возрасте больше двигаться. Спасибо им надо сказать за такое правильное решение. Лишний холестерин и вес сокращают нашу жизнь. А ты теперь вынужден будешь похудеть и выглядеть стройным, как солдат или заключённый! Из всего надо извлекать выгоду для себя и других. Лишь бы не было войны!

– Это ещё я тебе не всё сказал, – продолжил Рыбин. – Вон лекарства дорожают: снотворное, от давления, желудочные. Все!

– И это прекрасно! Раскинь мозгами. Если ты будешь много двигаться, мало есть, то будешь хорошо спать. И давление пропадёт и желудочные. Запор, например, или геморрой. И на кой хрен себя травить химией за свои кровные?

– Опять, выходит, ты прав? – удивился Рыбин.

– Спи спокойно, Петрович, всё к лучшему делается. Ты ещё простудишься на моих похоронах!

– А вот ещё у нас во дворе фонари не горят по вечерам. И в газету писал, и в суд ходил. Никто, оказывается, за них не отвечает. Нет хозяина, понимаешь!

– А на улице горят?

– На улице горят, там Горсвет зажигает.

– Вот! А ты представь себе, включи воображе-

ние, если бы и на улицах не горели. А? Тьма египетская! А? Как на войне! А? И потом, врачи советуют: гулять надо только днём, а ночью спать, чтобы ничего тебе не мешало. Зачем тебе свет ночью? Так что скажи им спасибо, что не зажигают. Крепче сон людям. Лишь бы не было войны!

– А ты знаешь, у нас на лестнице вечерами что творится? Молодёжь собирается, матерятся, пьют пиво, курят. Всё слышно. Ни одна скотина не выйдет. Все попрятались в своих норках.

– И правильно делают. Вот вышли бы они с протестом, а на следующий день наркоманы бы пришли. А то под каждой дверью бы ещё нагадили, или ещё хуже – стёкла бы разби. Хорошие к вам ребята ходят! Вам здорово повезло!

Подумаешь, пиво пьют! А вот если бы водку, что тогда? А? И потом, врачи говорят, что маленькие стрессы даже полезны для здоровья. Во всем надо находить рациональное зерно, усвоил? Только бы войны не было...

– И выгоду для себя и окружающих, – автоматически, как ученик-зубрилка, неожиданно для самого себя выпалил Петрович.

– Значит, понял! Молодец! Вон по телику реклама, видел? «Жизнь прекрасна, пока прыгает попка!»

– Да не попка, а пробка.

– Кому что надо, у того то и прыгает!

– Слушай, я тут сотовую связь поменял. Достали меня рекламой. Да и тариф интересный: первые пять минут по три рубля, остальные – бесплатно. Вот я и купился. Потом только дошло, что я больше трёх минут никогда не разговариваю! Надули! Развели, как лоха!

Рисунок Сергея Сиченко

– Вот и хорошо, – невозмутимо отвечал Пегасов, – врачи говорят: эти самые радиочастоты губят всё живое, особенно потенцию у мужиков. А тебе это надо? Как у тебя с потенцией, кстати?

– Да какая к чёрту потенция, когда на прошлой неделе у меня в универсаме кошелек спёрли! Ты ведь знаешь мою китайскую дублёнку. Так вот карманы в ней сделаны понарошку – игрушечные. Что ни положишь – всё видно. Вот и воспользовались жулики. Отвлёкся я у кассы: сзади кто-то стукнул меня по плечу. Я оборачиваюсь – там мужик. Говорит: извините, случайно вы не Коля? Я говорю: случайно я Петя, извините. Подхожу к кассе, а кошелек-то нет!

– И сколько в нём было?

– Около пятисот рублей.

– Вот! Смотри: выходит в долларах всего-то пятнадцать, а в евро всего одиннадцать, а в фунтах – около пяти. Стал бы англичанин, к примеру, или француз переживать и портить себе нервы и из-за такой мелочи?

– Не знаю. Наверное, не стал бы.

– А ты чем их хуже? Так что ничего у тебя не пропало. Главное – живой остался! Лишь бы не было войны!.. Давай я лучше тебе свои новые стихи почитаю.

– Ой, совсем забыл, я у себя дома нагреватель оставил включённым. Всё сгорит к чёртовой матери! – вспомнил тут Рыбин.

– И хорошо, Петрович! У тебя же есть домик на садовом участке. Так хорошо бы пожить в деревне на природе Запахи трав и навоза. Дымок из трубы... Рыбалка по утрам... Русская баня по субботам... Меня позовёшь летом за ягодами и грибами. Из всего надо извлекать... Лишь бы...

Дальнейшее Рыбин уже не услышал. Он через три ступеньки мчался вниз по лестнице.

Рисунок Евгения Крана

Дмитрий Кочетков

СЕКСПИР ИНТЕРЕСУЕТ

Зуб мне позавсера высыбли. Прямо напрось. Слысите, сепелявлю как? Спана какая-то, сантропа, призала в подъезде. «Дай, – говорят, – папаса, закурить!» Я отвесяю: «Нету!» Они: «Побозысь!» Я: «Зуб даю!» Они: «Ну, да-

вай...»

Такой хоросый зубик был, нискоlessly не сатался.

А всера зена тормосыт меня:

– Сходи-ка, Зеня... – Меня Зеней зовут... – Сходи-ка, Зеня, в книзный магазин. Мне для художественной самодеятельности сросьно трагедия «Отелло» понадобилась.

Она у меня, дурёха, в драмкружок недавно записалась, ей там Дездемону доверили играть. Ту самую, которую негр укокосыл. Мне эта пьеса до узаса нравится.

– А давай, – говорю, – денег, схозу.

Присол в магазин – и сразу к продавссице:

– Сто у вас новенького?

Она:

– А сто вас интересует?

Я отвесяю:

– Секспир меня интересуе, девушка.

Она так странно посмотрела на меня и спрашивает:

– Вам завернуть или прямо в руках понесёте?

– Ну, заверните, – согласюсь я.

– Тогда, – кивает она, – платите в кассу... – и называет сумму.

А я есё удивился: посему, думаю. Так дорого, словно это не классика, а порнуска низкопробная? На всякий слусай презде, сем идти к кассе, утосьяню:

– А там есть про то, как сёрный мусина над белой зенссиной издевается?

Продавссица посему-то смуссается, краснеет.

– Там, – бормосет, – не только про это. Отбивайте скорее сек.

Ага! Пласю я денезки, заби-
раю эту книзенцию, в бумагу
запакованную, и врусяю дома
зене: на, дескать, Дездемона,
уси свою роль. Та, не развора-
сивая пакета, безыт в свой
кружок, и там...

В обсем, репетиция у них со-
рвалась. Потому сто это ока-
зался вовсе не Секспир – в
смысле, не Вильям, а «Секс-
пир» – французский роман ка-
кого-то Зака Закидона-
Младсего. С зуткими извращениями книзеська! Моя Дезде-
мона до того наситанная домой вернулась – всю нось мне
содержание пересказывала. И при этом так отсяянно зести-
кулировала, сто слусяйно есё один зуб мне высыбла. Тозе
напрось.

Теперь, пока новую селюсть не вставляю, в книзный мага-
зин ни за сто не пойду. Мало ли сего мне там подсунут. Лут-
се я за продуктами бегать буду. Тем более, сто зена опять
тормосыт:

– У нас в доме все списьки консились. Сходи-ка, – гово-
рит, – Зенеська за списьками.

Юрий Ковязин ЧАСТУШКА

Милка мне сказала: «Хватит!»
Но, когда во вкус вошла,
Надевать не стала платье
И ещё пять раз дала.

Каменску-Уральскому исполнилось 310 лет. По крайней мере, официально принято считать именно так. В День Города на проспекте Победы состоялось традиционное карнавальное шествие.

А накануне на форуме литпортала «ФЕНИКС» (litclub-phoenix.ru/forum) наши активные пользователи затеяли стихопародийное состязание на тему: «**Что написали бы наши классики на тему Каменского карнавала**». Получилось хулиганисто и озорно.

Кое-что из опубликованного в Сети предлагаем вашему вниманию.

Владимир Маяковский

Не город –
так шар земной
ошарашим!
Не мусорь,
не бей,
не круши –
шагай
карнавальным,
товарищ,
маршем,
рукой
зевакам
маши!
С дедами,
с отцами,
с детишками малыми,
рожу –
под маску,
а сам – как дурак, –
маши руками
миллионнопальными

сжатыми
в один
карнавальный
кулак!
А если
приспичит
тебе,
гражданин,
устроить
на площади,
здесь,
свистопляску –
скорей
доставай
из широких
штанин
другую
свою
карнавальную
маску!

Белла Ахмадулина

О, общность душ,
о, ликов частность!
В пространство празднеств
дивных мчась,
мне карнавальству
сопричастность
дороже праздности подчас.
Поверх феерий и опричь
безумств, мистерий, своеволий –

есть тайный смысл,
что не постичь
в тиши и тьме аудиторий.
Отдамся странных масок
действию
и плеску флагов-покрывал!
Впервые внемя фарисейству,
твою пью чашу,
карнавал!

Сергей Есенин

Не ругайтесь, такое дело, –
Мимо урны сморкался, плевал, –
Но, задрав штаны, полетела
Вдруг душа моя на карнавал.

Забудыгу меня, нехорошего,
Примет ласково, ё-мое,
Гой ты, Русь моя, скоморошия,
Пиво «Балтика» да жнивнё.

Сыпь, гармоника,
сыпь потешками!
Не потехи ли здесь ишу?

Провоняю я кириешками
И орешками захрущу.

Словно камень с души
разом снимется,
Коль на площади, на меже,
Как с чужою женою, обнимется
Прежний мэр со своим протеже.

Триста десять лет – не года!
И растут они – не убывают!
Пропустите меня туда!
Там бродягам уже наливают!

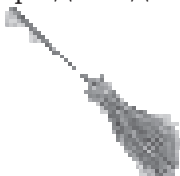
Булат Окуджава

Сумерки, природа, дикторы охрипли,
кто поёт, кто пляшет.
На машине в кузове едет сам Астахов,
нам рукою машет.
Ряжена машина, ряжены шофёры,
ряженная свита –
Вся она умыта, дочиста побрита, лентами покрыта.

Вслед за этой свитою едут и шагают в странных масках люди –
Клоуны, медведи, ноги костяные, надувные груди.
Вот гусары-франты, вот их аксельбанты, блещут эполеты.
А на тротуаре лишь без масок хари – явно не поэты.

Всё слышнее звуки, тех, кто всласть напился,
тех, кто вдрызг наелся.
Громы да салюты – наши атрибуты, да ансамбль «Челси».
Всё ядрёней запах с пива перегара, за твоё здоровье
Вера да Надежда тост поднимут славный на троих с Любовью.

Авторы пародий: Фраерман, VikaS, NeXaker

Авторы шаржей: Б.Ефимов, А.Полевой, Ю.Анненков, М.Беломлинский

Это печальное известие мы получили, когда верстался номер.

Ушёл из жизни **Максим Абдуллин**, наш постоянный автор. Выражаем самые искренние соболезнования родным и близким. Вечная память поэту!

Биенье капель о стекло
Мне будоражит мысли ночью.
Когда-то было здесь темно,
Теперь лишь только многоточья.

Гроза уснула. Дождь прошёл.
Я не искал в тебе ответа
На тот вопрос, что я прочёл
В глазах безумного поэта.

И может быть, давным-давно
Воспрянул я во мраке ночи.
Когда-то было здесь темно,
Остались только многоточья.

МЫСЛИ В СЛУХ

**Литературно-художественный журнал
литературного клуба «Феникс»
№8, 2011**

**Учредитель — литературный клуб «Феникс»
города Каменска-Уральского**

Главный редактор — Д.М.Кочетков.

Корректор — Т.А.Барышникова.

Адрес редакции: 623400, г.Каменск-Уральский Свердловской обл., ул.Сибирская, д.1, театр-студия «Да здравствуют дети!».

Телефон: +7 912 6 848 948

Наши адреса в Internet:

Литпортал «ФЕНИКС» — www.litclub-phoenix.ru

Юмористический сайт «ПОМЕЛО» — www.po-me-lo.ru

E-mail: admin@litclub-phoenix.ru

В номере использованы фотографии Каменска-Уральского из архива **eleoev** (<http://fotki.yandex.ru/users/eleoev>).

На внутренней стороне обложки — фрагменты картин Ю.М.Северухина.

Номер подписан в печать 31 июля 2011 г.

Тираж экз.

